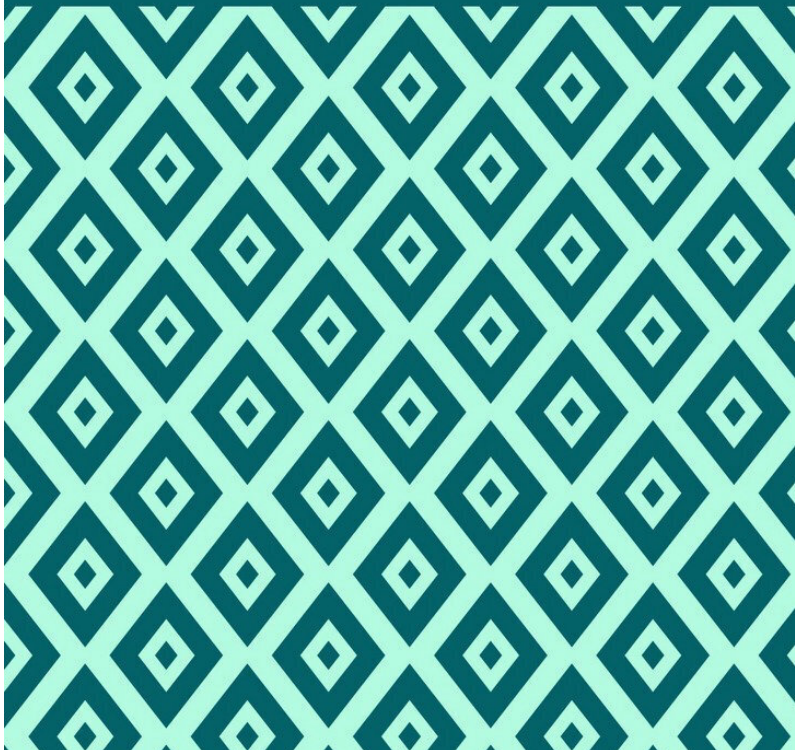

18+

Рамиль Латыпов

Порог из адаманта

Рамиль Латыпов

Порог из адаманта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73037643

ISBN 9785006888630

Аннотация

Филолог Анна попадает в мир, где магия подчинена строгому Кодексу. Её сила – не в заклинаниях, а в умении читать магию как текст и находить лазейки в законах. Чтобы выжить, ей придётся стать переводчиком с языка древних руин и вести диалог с врагами, которые слышат песню земли. От её слова зависит – развяжет она войну или остановит её.

Содержание

Глава 1: Разрыв Страницы	5
Глава 2: Допрос в руинах	14
Глава 3: Пешка в игре теней	25
Глава 4: Первая кровь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Порог из адаманта

Рамиль Латыпов

Дизайнер обложки <https://giga.chat/>

© Рамиль Латыпов, 2025

© <https://giga.chat/>, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-8863-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Разрыв Страницы

Адреналин жжет горло, сладкий и металлический. Ладони, холодные от предстартового волнения, крепко сжимали края подиума. Зал университетской аудитории, вмещавший триста человек, гудел, как разворошенный улей. Вспышки фотокамер слепили, точки лазерных указок ползали по ее простому белому блузону. Анна Сеницына, аспирантка-филолог, в свои двадцать шесть не была героиней дня никогда. До сегодня.

«Расслабься, Сеницына, они пришли не на тебя, а на него», – мысленно твердила она, переводя взгляд на стеклянный куб перед ней.

Внутри, на бархатной подушке, лежал «гость». Не артефакт даже, а обломок чего-то большего. Фрагмент стелы из темного, почти черного камня, испещренный выцветшими краской значками. Ни греческими, ни кириллическими, ни иероглифами. Знаками, которые упорно не желали встраиваться ни в одну известную языковую систему. Ее диссертация, вернее, отчаянная попытка ее написать, висела на этом камне. Точнее, на его переводе, которого не существовало.

«И сегодня, – голос ведущего звенел в микрофоны, – наша смелая исследовательница предпримет новую попытку прочесть непрочитаемое! Анна, что вы можете сказать нашим гостям о вашем методе?»

Анна заставила себя улыбнуться. Метод? Методом был бессистемный штурм. Сравнительный анализ, поиск паттернов, наложение известных мифологем. Угадай мелодию на уровне древней, возможно, внечеловеческой культуры.

– Мы исходим из гипотезы, что это не буквы, а... логограммы, – ее голос, усиленный техникой, звучал чужо и гулко. – Каждый знак – целое понятие. Сцепление их образует не предложение, а... нарратив. Микро-миф.

Она щелкнула презентацией. На экране возникали ее наработки: знак, похожий на спираль с точкой, – «рождение/звезда». Знак, напоминающий сломанное дерево, – «падение/жертва». Зал внимал с вежливым скепсисом.

– А сейчас, – Анна сделала глубокий вдох, – я попробую озвучить одну из возможных последовательностей. Фонетическая реконструкция, конечно, гипотетическая...

Она приблизила к кубу микрофон, подключенный к спектрографу и программе акустического анализа. Ее пальцы скользнули по холодному стеклу. Внутри куба царила мертвая тишина вакуума, созданного для сохранности. Но камень... камень будто ждал.

Анна начала читать. Негромко, растягивая слоги, придавая им ту мелодичность, которая, как ей казалось, могла сработать.

– «Ан-сар... ки-гал... да-га-ан...»

Знаки под ее пальцами оставались безжизненными. В аудитории кто-то сдержанно кашлянул. Провал. Еще один.

Отчаяние, острое и кислое, подкатило к горлу. Без денег на грант, без результата – дорога в никуда. В аспирантском аду навечно. Мысль мелькнула резко, неотфильтрованная усталостью и годами давления: «Да сгни ты все синим пламенем».

И она произнесла это. Шепотом, сквозь зубы, поверх древних слогов. Не на древнем языке. На своем. Отчаянное, бытовое проклятие отчаяния.

– «...Да сгниь это все в огне...»

В тот момент, когда последний звук покинул ее губы, три вещи произошли одновременно.

Во-первых, свет в зале погас, погрузив все в крошечную, давящую темноту, нарушаемую только паникой вскриков.

Во-вторых, камень под ее пальцами... *запел*. Не звуком, а вибрацией, которая прошла сквозь стекло, сквозь плоть, прямо в кости. Низкий, пронзительный гул, наполняющий череп.

В-третьих, пространство внутри куба перестало быть пустым. Оно наполнилось синим. Не светом, а скорее его отсутствием, негативом пламени. Холодным, безжизненным синим сиянием, которое не освещало, а поглощало очертания камня.

Анна инстинктивно рванула руку назад, но было поздно. Синева, будто жидкая, потянулась за ее пальцами, коснулась кожи. Ожога не было. Был холод абсолютного нуля и чувство *разрыва*. Не боли. Разрыва ткани реальности. Как будто

ее саму были сотканы из нитей, и одну – самую важную – только что выдернули.

Аудитория, крики, тьма – все сплющилось в тонкую, хрустящую фольгу и исчезло со свистящим звуком рвущегося пергамента.

Тишина, пришедшая на смену гулу, была оглушительной. Но не абсолютной. Ее постепенно начали заполнять звуки. Далекий, незнакомый звон колоколов, играющих сложную, негармоничную мелодию. Крики торговцев. Скрип колес. И запахи. Дым, пряности, навоз, сладковатый запах цветущего дерева, которого она не знала.

Анна стояла на коленях, уткнувшись лицом в грубую, пыльную мостовую. Камни под ней были теплыми, нагретыми солнцем, которого она еще не видела. Она дышала, судорожно, ртом, чувствуя, как песок скрипит на зубах.

Где?

Она подняла голову.

И мир перевернулся второй раз.

Над ней высились не небоскребы и не знакомые крыши. Над ней парили... здания. Башни из белого, сияющего на солнце камня, но не строго вертикальные, а изогнутые, словно растущие из земли кристаллы или застывшие языки гигантского пламени. Между ними на разных уровнях вились мосты-улицы, по которым двигались люди, повозки, а кое-где – и существа, которых Анна сходу опознать

не могла. Высоко в небе, едва различимые на фоне ярко-голубого неба, плыли продолговатые сигарообразные объекты, медленно махая, как гондолы, веслообразными крыльями.

Это был не сон. Слишком ярок был свет, слишком громки звуки, слишком плотен и груб камень под ее коленями. И слишком пахло. Реальностью. Чужой.

Она была на просторной площади, вымощенной темно-серым камнем. В центре бил фонтан со статуей существа с крыльями и головой, напоминающей орлиную. Вокруг кипела жизнь. Люди в одеждах, напоминающих смесь античных туник, средневековых дублетов и чего-то своего, струящегося и практичного одновременно. Цвета – в основном приглушенные: охры, темная зелень, глубокий синий. И все смотрели. На нее.

Анна посмотрела на себя. Ее белый блузон и простые черные брюки выглядели тут кощунственно, как пижама на параде. На нее смотрели с изумлением, с любопытством, а у некоторых – с нарастающей тревогой.

«Язык. Нужно говорить».

Она попыталась встать, пошатнулась. Рядом остановилась повозка, запряженная странным шестиногим животным, похожим на помесь ящерицы и мула. Возница, дородный мужчина в кожаном фартуке, уставился на нее, широко раскрыв глаза.

– Простите, – хрипло выдавила Анна. – Я... где это?

Возница перевел взгляд с ее одежды на лицо. Его выраже-

ние сменилось с удивления на откровенную враждебность. Он что-то рывкнул на своем языке. Звуки были гортанными, твердыми, с обилием «р» и «г». Ничего знакомого.

– Я не понимаю, – сказала Анна, чувствуя, как нарастает паника. – Мне нужна помощь. Полиция... милиция...

Она произнесла это слово по-русски. И это стало ошибкой.

Из толпы вышел человек. Высокий, сухой, в форменном плаще темно-синего цвета с серебряным шитьем на плечах, изображающим нечто вроде стилизованного глаза в треугольнике. На его поясе висел не меч, а жезл из темного дерева, увенчанный молочно-белым кристаллом.

Он посмотрел на Анну, и в его взгляде не было ни капли сочувствия. Только холодная, клиническая оценка. Он сказал что-то резкое и короткое, обращаясь к вознице. Тот поспешно закивал и отъехал прочь.

Человек в плаще сделал шаг к Анне. Его пальцы легли на рукоять жезла.

– Именем Его Величества Императора и Статей Восемнадцатой и Двадцати Третьей Имперского Кодекса Магических Практик, – его голос был низким и безжалостно четким, – вы арестованы за несанкционированное применение магии пространственного смещения на территории Столичного Дистрикта. Не оказывайте сопротивления.

Анна застыла. Она поняла, может быть, одно слово из десяти. Но интонация, жест, форма – все кричало об одном:

власть, обвинение, опасность.

– Я... я не... – начала она, но синеглазый (теперь она разглядела цвет его глаз – холодный, как сталь) уже сделал быстрый жест жезлом.

Она не почувствовала удара. Она почувствовала, как воздух вокруг нее сгустился, стал тягучим, как мед. Ее движения замедлились в десятки раз, словно она пыталась бежать под водой на глубине. Паника, наконец, вырвалась наружу, но и крик замедлился, превратившись в низкий, растянутый стон.

Двое таких же людей в синих плащах вышли из толпы. Они даже не смотрели ей в лицо. Ловко, привычными движениями они накинули на ее запястья наручники из того же тусклого металла, что и жезл. Прикосновение металла к коже вызвало слабое, но неприятное покалывание, как от статического разряда.

– Аномальный скачок энергии зафиксирован в секторе семь-дельта, – сказал один из них, глядя на небольшой пергамент, который он держал в руке. На пергаменте что-то мерцало и двигалось. – Подтверждаю: нарушитель. Уровень угрозы... предварительно, желтый. Без стандартного импринта.

Главный, синеглазый, кивнул.

– Доставить в Изолятор Восемь. В обход общих залов. Магистр Адамов уже уведомлен.

Анну повернули и мягко, но неумолимо повели. Она шла,

спотыкаясь о замедленный воздух, ее разум лихорадочно работал, пытаясь собрать обрывки в картину. Магия. Кодекс. Император. Арест. Ничего из этого не было связано с ее прежней жизнью. Ничего, кроме одного: холодного, рационального страха системы перед тем, чего она не понимает.

Ее вели через толпу, которая расступалась с почтительным, испуганным безмолвием. Люди отводили глаза. Никто не задавал вопросов. Она видела их лица: озадаченные, напуганные, осуждающие.

И только в одном переулке, мимо которого их вели, она мельком заметила другое лицо. Молодое, женственное, с огромными серыми глазами, полными не страха, а острого, живого интереса. Девушка в простой рабочей одежде, смахивающая магическую пыль с какого-то сложного механизма. Их взгляды встретились на долю секунды. И в этом взгляде не было осуждения. Был вопрос. И странное подобие понимания.

Но вот ее уже вталкивали внутрь темного, низкого экипажа без окон, запряженного двумя такими же шестиногими тварями. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным звуком.

Тьма. Только слабое свечение от ее наручников, пульсирующее в такт чему-то, что она слышала только краем сознания – низкому, ритмичному гудению, исходившему от самого экипажа.

Анна прислонилась головой к холодной стенке. Дрожь,

которую она сдерживала, вырвалась наружу. По щекам текли слезы, горячие и соленые. Она сжала кулаки, чувствуя холод металла на запястьях.

«Магия. Они сказали „магия“. Я не маг. Я филолог. Я из Воронежа, черт возьми!»

Но камень в кубе, синее пламя, разрыв... Это была не техника. Не наука ее мира. Это было что-то другое. И здесь, в этом мире ослепительных башен и летающих кораблей, это «другое» было законом. Законом, который она только что нарушила, сама не зная как.

Экипаж тронулся, мягко покачиваясь на невидимых рессорах. Сквозь стенку доносились приглушенные звуки чужого, невероятного города – Аргарда.

Анна Синицына закрыла глаза. Первая задача, поставленная перед ней этим новым миром, была проста и ужасна: выжить. А для этого нужно было сделать невозможное – понять правила игры, в которую ее втянули, не зная даже названий фигур. И начать играть. Прямо сейчас.

Глава 2: Допрос в руинах

Экипаж двигался слишком плавно, чтобы быть запряженным живыми существами. Дрожь почвы, крики улицы – все осталось снаружи, за глухими стенками. Здесь царила искусственная, гнетущая тишина, нарушаемая только ритмичным гудением – магическим мотором, как догадалась Анна. Она сидела на жесткой скамье, прикованная наручниками к стене. Металл все так же слабо покалывал кожу. Это был не психологический эффект. Это было физическое ощущение, будто в вены ввели микроскопические иголки, которые вибрировали на одной частоте с этим гулом.

Она пыталась дышать глубже, заставить мысли течь логично, по привычному академическому руслу. Наблюдение. Анализ. Гипотеза.

Наблюдение первый: Язык. Гортанный, с акцентом на твердые согласные. Ничего общего с индоевропейской или алтайской семьей, насколько она могла судить. Скорее, напоминал искусственно сконструированный язык, но доведенный до естественного состояния за века использования.

Наблюдение второй: Технология, вернее, ее смесь с магией. Летающие корабли, экипаж без видимой тяги, наручники с «эффектом». Магия не была чем-то эзотерическим и редким. Она была частью инфраструктуры. Как электричество. Но регулируемым. Жестко регулируемым.

Наблюдение третье: Социальная реакция. Страх и почитение к синеплащникам – стражам закона. Полное отсутствие попыток заступиться. Система подавления работала безупречно.

Гипотеза? Ее не было. Был только животный страх, поднимающийся по спине холодными мурашками.

Экипаж остановился. Гул стих. Дверь открылась с тихим шипящим звуком, впуская поток холодного, пахнущего сыростью и озоном воздуха. Снаружи было не светло и не темно – сумеречно, как в глубокой пещере при искусственном освещении.

– *Выходи. Медленно,* – прозвучал голос синеглазого, которого, как она теперь расслышала, его подчиненные называли «сержант».

Ее наручники на мгновение перестали вибрировать, и Анна смогла отцепить их от стены. Ее вывели наружу.

Они стояли не у величественного дворца правосудия, а на краю огромной, полуразрушенной чаши. Это были руины. Гигантские, циклопические. Остатки колонн, толщиной с дом, лежали, как сломанные спички. Стены, сложенные из блоков темно-серого, почти черного камня, испещренные потускневшими сложными фресками, уходили ввысь, обрываясь там, где их пронзали современные металлические балки и магические светильники. Это место было древним, гораздо древнее сияющих башен города. И его приспособили под свои нужды. Повсюду виднелись пристройки из нового

камня и стали, двери, усиленные сияющими рунами, патрули в тех же синих плащах.

Изолятор Восемь. Тюрьма, встроенная в древние руины. Символично и пугающе.

– *Двигайся,* – толкнули ее в спину.

Ее провели по узкому, вырубленному в толще древней стены коридору. Воздух здесь был ледяным и сухим. Свет исходил от шаров холодного голубого свечения, закрепленных в нишах. Они проходили мимо массивных дверей из темного металла без смотровых глазков. Тишина была абсолютной, мертвой.

Наконец, сержант остановился у двери, ничем не отличающейся от других. Он приложил ладонь к металлической пластине рядом с ней. Пластина вспыхнула желтым, затем зеленым. Дверь отъехала в сторону без единого звука.

Внутри была маленькая, абсолютно пустая комната. Стены, пол, потолок – все из того же гладкого, матового серого камня. В центре – металлическое кресло, прикованное цепями к полу. Ни окон, ни источников света, но комната была залита ровным, безжалостным белым сиянием, исходившим, казалось, от самих стен.

– *Садись,* – приказал сержант.

Анна повиновалась. Холод металла просочился сквозь тонкую ткань брюк. Наручники приковали ее запястья к подлокотникам. Сержант и двое его людей вышли. Дверь закрылась. Она осталась одна в этой стерильной, беззвучной ко-

робке.

Время потеряло смысл. Может, минута, может, час. Страх сменился оцепенением, а оцепенение – странной, отрешенной ясностью. Она изучала комнату. Камень был идеально обработан, без единой трещины. Значит, магия или технология высокого уровня. Значит, система богата. Значит, побег – утопия.

Дверь открылась снова. Вошла женщина. Не сержант.

Она была в том же синем плаще, но покрой был иным – более строгим, с серебряным шитьем не только на плечах, но и по краю ворота. Ее волосы, темно-пепельные, были туго стянуты в узел на затылке. Лицо – некрасивое и запоминающееся: резкие скулы, тонкий прямой нос, жестко сжатые губы. И глаза. Серые, как промозглый ноябрьский день. В них не было ни злобы, ни любопытства. Только усталая, абсолютная сосредоточенность. Она несла под мышкой тонкий деревянный ящик и держала в руке знакомый жезл с кристаллом.

Женщина села на стул, который материализовался из ниоткуда напротив Анны, и положила ящик на колени. Она не спеша открыла его. Внутри лежали странные предметы: гладкие черные камни, пергаменты, небольшой серебряный колокольчик, склянки с разноцветными жидкостями.

– Меня зовут Ирина Вадимовна. Следопыт Третьего Круга Имперской Магической Инквизиции, – ее голос был ровным, без эмоций, как дикторский текст. – Ты находишься под следствием по обвинению в тяжком нарушении Импер-

ского Кодекса Магических Практик. Твои права: ты можешь не свидетельствовать против себя. Все, что ты скажешь, может быть использовано в суде. Ты имеешь право на адвоката, но только из утвержденного Империей списка после первоначального установления твоей личности. Понятно?

Анна кивнула, слишком ошеломленная, чтобы говорить. Эта женщина говорила на том же гортанном языке, но медленнее, четче. И Анна, к своему удивлению, начала улавливать общий смысл. «Империя», «Кодекс», «нарушение», «права». Это был юридический протокол. Универсальный язык бюрократии.

– *Твое имя?* – спросила Ирина, не отрывая от нее взгляда.

– Ан... Анна, – прошептала она.

– *Анна. Фамилия? Происхождение? Импринт?*

– Синицына. Я из... – она запнулась. Как сказать «из Воронежа, Россия, планета Земля»? – Я из далекого места. Очень далекого.

Ирина Вадимовна чуть склонила голову. Ее пальцы коснулись одного из черных камней в ящике. Камень слабо вспыхнул красным.

– *Обман. Неполный ответ. Повтори: откуда ты? Где твой импринт?*

– Я не знаю, что такое импринт! – голос Анны сорвался, в нем послышались слезы. – Я не знаю, где я! Я просто читала текст, и... произошел взрыв, и я здесь!

Камень снова вспыхнул красным, на этот раз ярче.

– *Снова обман. Или сумасшествие,* – констатировала Ирина. Она взяла серебряный колокольчик и тихо позвонил им. Звук был высоким, пронзительным, он вонзился в мозг, как игла. Анна вскрикнула, зажав уши, но это не помогло – звук шел изнутри.

– *Это резонатор. Он помогает... очищать мысли от навязанных и лжи. Говори правду. Кто тебя послал? Северяне? Еретики из Анклава Тишины?*

– Никто! Я сама! – крикнула Анна, извиваясь в кресле от невыносимого звука. – Я филолог! Исследователь языка! Этот камень... он отозвался на мой голос!

Колокольчик замолк. Внезапная тишина оглушила. Ирина Вадимовна смотрела на нее с легкой, едва уловимой искрой в глазах. Не сочувствия. Интерес.

– *Камень. Опиии.*

И Анна описала. Отчаянно, сбивчиво, на своем родном, смешивая термины, сравнивая знаки с известными ей символами. Она говорила о логограммах, о нарративах, о попытке реконструкции. Она говорила, потому что это была ее единственная правда.

Ирина слушала, не перебивая. Камень-детектор лежал темный и безжизненный. Когда Анна закончила, наступила долгая пауза.

– *Интересно,* – наконец произнесла следопыт. – *Ты говоришь о магии, как о... тексте. Как о языке. Это ересь. Но последовательная ересь.* Она взяла со дна ящика тонкий сереб-

ряный жезл, похожий на стилос. — *Покажи мне. Произнеси ту самую фразу. Ту, что привела тебя сюда.*

Анна похолодела.

— Нет. Я не могу. Я не знаю, что произойдет.

— *Эта комната изолирована шестью слоями подавления. Ничто, даже разрыв реальности, не выйдет за ее пределы. Произнеси.*

Страх боролся с отчаянием. Отказ, она чувствовала, будет воспринят как признание вины. Согласие — как прыжок в пропасть. Но выбора не было.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить. Не древние слоги. Ту самую, последнюю, отчаянную мысль, оброненную в сердцах.

— «...Да сгинь это все в огне...» — прошептала она по-русски.

Ничего не произошло. Комната оставалась стерильно-белой и тихой.

Ирина Вадимовна наблюдала за показаниями на жезл-стилосе. На его поверхности загорелись странные, прыгающие символы.

— *Нулевой стандартный отклик. Никакой мантрической структуры. Но... есть фоновая вибрация. Аномальная. Не регистрируемая ни одним из известных инструментов. Как эхо от удара по струне, которой нет.*

Она положила стилос.

— *Ты — аномалия. Не диверсант. Не маг в классическом*

понимании. Нечто иное. И поэтому ты вдвойне опасна.

В этот момент за дверью раздался грохот. Не просто звук. Это был удар, от которого дрогнули стены. Глухой, сокрушительный *бум*, а за ним – крики, звон разбитого стекла, шипение разряжающейся магии.

Ирина Вадимовна вскочила на ноги, ее лицо исказилось не страхом, а холодной яростью. Она рванулась к двери, жезл с кристаллом уже в ее руке.

– *Оставайся здесь!* – бросила она Анне через плечо и выскочила в коридор.

Дверь захлопнулась, но не полностью. Автоматика, видимо, была повреждена. Анна могла видеть полоску коридора. Освещение мигало, из синего переходя в кроваво-красное. По коридору бежали люди, слышался лязг оружия. Крики стали четче:

– *Диверсанты! На архив!*

Сирена, пронзительная и неумолимая, взревела, заполняя собой все пространство.

Анна рванула наручники. Напрасно. Она была прикована, беспомощная крыса в клетке, в самом центре штурма. Мысли метались. *Диверсанты. Значит, война. Значит, они убьют всех, включая меня.*

Внезапно свет в ее камере погас, сменившись аварийным тускло-красным свечением, исходившим теперь только из коридора. И в этой полутьме она увидела – стены ее комнаты... зашевелились. Нет, не стены. Фрески на них. По-

тускневшие, почти невидимые линии на камне начали слабо светиться тем же синим оттенком, что и камень в кубе. Они пульсировали в такт сирене, будто пробуждаясь от долгого сна.

Она вспомнила. Руины. Древние. Гораздо древнее этой Империи. А что, если система подавления магии, встроенная в стены, была повреждена атакой? Что, если просыпается то, что было здесь раньше?

Снаружи грохот усилился. Послышался звук, похожий на раскалывающийся камень. Крик – знакомый, женский. Ирины? Вдоль полосы света в дверном проеме промелькнула тень – огромная, искаженная, нечеловеческая.

Паника, чистая и неконтролируемая, охватила ее. Она снова рванула наручники, чувствуя, как металл впивается в кожу. *Нет. Нет, нет, нет!*

И снова, как и тогда, в аудитории, мысль пришла не из разума, а из глубин инстинкта. Она не знала заклинаний этого мира. Но она знала символы. И эти просыпающиеся фрески... они были *символами*. Языком, пусть и незнакомым. А ее профессия – читать языки.

Она перестала бороться и заставила себя сфокусироваться на ближайшей светящейся линии. Это была спираль, переходящая в зигзаг. «Рождение... и прерывание. Начало и катастрофа». Рядом – круг с точкой внутри и трещиной. «Целостность... нарушенная. Защита... сломанная».

Она не произносила слов. Она *мыслила* понятиями, смот-

ря на символы. Как если бы она пыталась угадать значение иероглифа, глядя на его рисунок. И вкладывала в эту догадку всю свою волю, весь свой страх, всю свою яростную жажду выжить. Мысленный крик: **ЗАЩИТИ! ИЗОЛИРУЙ! СПРЯЧЬ!**

Синие линии на стене вспыхнули ярко, ослепительно. Не холодным светом, а теплым, почти живым. Они поползли по стене, как корни, устремляясь к дверному проему. Камень вокруг двери затрещал, и на его поверхности проступили *новые* узоры, которых там секунду назад не было. Они сплелись в плотную, сияющую паутину, запечатывая проем.

В тот же миг наручники на ее запястьях... затихли. Вибрация прекратилась. Замки щелкнули, и браслеты разомкнулись сами собой. Она была свободна.

Анна вскочила с кресла, потирая онемевшие запястья. За сияющей паутиной в дверях слышался неистовый бой, крики, звуки разрушения. Но сюда, в ее камеру, ничего не проникало. Древний механизм, случайно или нет активированный ею, создал барьер.

Она стояла в центре маленькой, ярко освещенной синим светом комнаты, дрожа от адреналина и невероятного открытия. Она не применяла магию Империи. Она... *прочитала вслух* древнюю защиту. И та ответила.

Внезапно сияние начало меркнуть. Узоры на стенах тускнели. Защита долго не продержится. Шум за дверью стихал. Атака либо отбита, либо диверсанты прорвались дальше.

Шаги. Тяжелые, уверенные. В проеме, за медленно гаснущей паутиной, появилась фигура в синем плаще. Не Ирина. Мужчина. Высокий, с коротко стриженными седыми волосами и умным, усталым лицом. На его плаще было больше серебряного шитья, а в руке он держал не жезл, а трость из темного дерева. Он смотрел на сияющую паутину, затем – на Анну, стоящую посреди комнаты с распухшими запястьями и лицом, залитым слезами и потом. В его глазах не было ни гнева, ни страха. Было острое, пронзительное любопытство.

Он поднес руку к паутине, и та рассеялась, как дым, с тихим шипением.

– *Интересно*, – произнес он тем же размеренным, интеллигентным голосом, что и Ирина, но без ее ледяной строгости. – *Сержант доложил об аномалии. Следопыт Вадимовна – о странной ереси. А я вижу... пробуждение Руин Предтеч силой, которой не должно существовать. Меня зовут Тимур Адамов. И, кажется, нам с тобой есть о чем поговорить.*

Глава 3: Пешка в игре теней

Тимур Адамов стоял в дверях, не спеша входя. Его взгляд скользнул по распавшейся синей паутине, по стенам, где еще тлели остатки свечения, и наконец уперся в Анну. Она чувствовала себя обнаженной под этим взглядом – взглядом не судьи, а ученого, рассматривающего редкий, потенциально опасный экспонат.

– *Не бойся*, – сказал он, и в его голосе прозвучала странная, почти механическая доброжелательность. – *Смещение, которое ты вызвала, уже зафиксировано. Любые дальнейшие попытки будут подавлены. Иди за мной.*

Это не было предложением. Анна посмотрела на свои свободные запястья, на распахнутую дверь, за которой лежал коридор в полутьме, усеянный осколками и телами в синих плащах. Уйти было некуда. Она кивнула, шатаясь от слабости, и сделала шаг вперед.

Ее ноги подкосились. Адамов не поддержал, лишь наблюдал, как она хватается за косяк, чтобы не упасть. Выдержка и сила вернулись к ней вместе с приливом стыда.

– *Хорошо. Теперь идем.*

Он повернулся и зашагал по коридору, не оглядываясь. Анна последовала за ним, спотыкаясь о неровности пола. Картина разрушения была пугающей. Стены в копоты и трещинах, где-то сочилась вода, смешанная с маслянистой, ро-

зоватой жидкостью. Она старалась не смотреть на неподвижные фигуры в синих плащах, но периферическим зрением замечала неестественные позы, пустые взгляды, уставленные в потолок.

Они миновали место, где коридор расширился в нечто вроде зала. Здесь разруха была тотальной. Огромные металлические шкафы, должно быть, часть «архива», были взломаны, их содержимое – свитки, кристаллы, странные механизмы – валялось на полу, частично сгоревшее, частично оплавленное неведомой энергией. В воздухе висел запах озона, гари и... медной сладости. Запах крови.

Посреди зала стояли трое людей. Двое в синих плащах с жезлами наготове. И между ними – Ирина Вадимовна. Она была бледна, на ее щеке зияла неглубокая, но длинная царапина, из которой сочилась кровь. Ее плащ был порван у плеча, но взгляд оставался тем же – холодным, ястребиным. Она что-то говорила своим подчиненным, но замолчала, увидев Адамова и Анну.

Ее серые глаза сузились. Взгляд, брошенный на Анну, был тяжел, как свинец.

– *Магистр Адамов. Аномалия жива.*

– *И, как видишь, невредима благодаря пробуждению архаичных протоколов защиты,* – ответил Адамов спокойно. – *Твои потери?*

– *Четверо убиты. Семь ранены. Трое диверсантов уничтожены. Один... скрылся в нижних руинах. Мы его не на-*

или. Ирина отчетливо сделала ударение на последнем, и Анна поняла – это провал.

– *Цель нападения?*

– *Архив оперативных данных по северному фронту. И...* – Ирина на мгновение запнулась, – *камеры предварительного содержания. Создается впечатление, что они кого-то искали.*

Взгляд следопыта снова скользнул по Анне. Вопрос висел в воздухе, неозвученный: *Искали ли ее?*

Адамов кивнул, как будто это было ожидаемо.

– *Диверсанты знали о слабых точках подавления в этом секторе. Значит, у них есть информация изнутри. Или они сами когда-то строили эти руины.* Он повернулся к Анне. – *Ты стала свидетелем. И невольным участником. Теперь твоя судьба решается не на уровне Изолятора.*

Он жестом велел ей следовать дальше. Они покинули зону разрушения, свернули в другой, нетронутый коридор и вошли в небольшую комнату, больше похожую на лифт. Стены были отполированы до зеркального блеска. Адамов прикоснулся тростью к одной из панелей. Двери закрылись, и Анна почувствовала легкое давление в ушах – движение вверх.

Лифт остановился. Двери открылись в полную тишину.

Здесь не было ни разрухи, ни суеты. Они оказались в длинном, узком зале со сводчатым потолком. Стены были облицованы темным деревом, инкрустированным серебряными абстрактными узорами. Вдоль стен стояли высокие

кресла, и в них сидели люди.

Их было шестеро. Трое мужчин, две женщины и... существо, чей пол и даже вид было трудно определить под просторным балахоном с глубоким капюшоном. Лица были разными – от аристократически-холодных до аскетично-строгих, но всех их объединяло одно: абсолютная, нечеловеческая самоуверенность. Власть. Здесь сидела сама Власть.

В центре, на небольшом возвышении, стояло пустое кресло. Адамов мягко подтолкнул Анну к нему.

– Садись.

Она села, чувствуя, как на нее смотрят двенадцать глаз (или больше, учитывая капюшон). Ее потрепанная одежда, взъерошенные волосы, следы слез и грязи – все было здесь чужеродно, как пятно на безупречном ковре.

Человек по центру, справа от капюшона, мужчина с седой острой бородкой и пронзительными голубыми глазами, заговорил первым. Его голос был тихим, но он заполнил собой весь зал.

– *Магистр Адамов. Ваш доклад крайне сжат. «Аномальная вспышка пространственной магии. Субъект женского пола. Неопознанный импринт. Пробудила Руины Предтеч».* Это все, что у нас есть?

– *Все, что у нас есть на данный момент, верховный магистр,* – поклонился Адамов. – *Субъект, называющая себя Анной, демонстрирует нулевой отклик на стандартные диагностические процедуры. Ее метод, если это мож-*

но так назвать, основан на лингвистической и символьной интерпретации. Она читает магию, как текст. Нападение на Изолятор Восемь подтвердило ее уникальность – и ее потенциальную полезность.

– Полезность? – перебила одна из женщин, с тонкими, будто нарисованными углем губами. – Она еретичка. Ее подход противоречит основам ИКМП. Она – живое воплощение хаоса, который мы пытаемся сдерживать.

– Именно поэтому, магистр Варя, – ответил Адамов, – ее можно использовать как ключ. Диверсанты, судя по всему, северяне, применяют магию, не укладывающуюся в наши паттерны. Она хаотична, интуитивна, основана на иных принципах. Анна, со своим «чтением», может стать нашим... сканером. Инструментом для анализа и предсказания их действий.

В зале воцарилось молчание. Анна сидела, сжимая подлокотники кресла, чувствуя, как ее сердце бьется где-то в горле. Ее обсуждали, как прибор. Как оружие.

– Она неконтролируема, – сказал третий мужчина, тучный, с тяжелым лицом. – Как мы можем доверить ей доступ к чему бы то ни было?

– Контроль будет обеспечен, – Адамов сделал паузу. – Статус «Прикрепленного Испытуемого Ассистента». Она будет находиться под моим личным наблюдением и круглосуточным мониторингом. Она получит базовые знания об Империи и Кодексе – ровно в той мере, чтобы понимать

команды. Ее будут использовать в контролируемых условиях для анализа артефактов, остатков магии противника и, возможно, для допросов.

– А если она обратит свою «грамотность» против нас? – спросила Варя.

– Тогда, – голос Адамова стал холодным, как сталь, – она будет немедленно нейтрализована. Ее метод не боевой. Он аналитический. В бою она беспомощна. А физический контроль... Он взглянул на человека в капюшоне. – Мастер Геннадий?

Существо в балахоне медленно подняло руку. Рука была неестественно длинной и тонкой, пальцы казались чересчур гибкими. Оно не произнесло ни звука, но в воздухе возникло слабое давление. Анна почувствовала легкое головокружение, а затем – странное ощущение пустоты внутри, будто какая-то часть ее сознания была на мгновение выключена. Это длилось секунду, но было невыразимо противно.

– Ментальные барьеры могут быть установлены, – проскрипел наконец голос из-под капюшона, сухой, как шелест высохших листьев. – Ограничивающие определенные типы мыслительных процессов. Сопротивляться им невозможно без специальной подготовки.

Верховный магистр с бородкой обвел взглядом остальных.

– Голоса?

Один за другим они кивали. Варя – последней, с явной

неохотой.

– Хорошо. Магистр Адамов, вам предоставляются полномочия. Испытуемая Анна переходит под вашу ответственность. Используйте ее для сбора разведданных. Первая задача – анализ следов магии диверсантов в Изоляторе Восемь. Отчет через сорок восемь часов. Если результаты будут нулевыми или опасными, субъект подлежит утилизации. Совет закрыт.

Слово «утилизации» прозвучало так же буднично, как «чистке оборудования». Анну бросило в жар, а потом в холод.

Адамов поклонился.

– Понимаю. Исполню.

Он жестом велел Анне встать и повел ее к выходу. За спиной она слышала, как верховный магистр говорит уже о другом: поставках магических кристаллов с рудников, увеличение квот для военных.

Ее судьба, ее жизнь были решены за пять минут. Она стала государственной собственностью. Инструментом.

Лифт снова умчал их вниз, но не на уровень руин, а куда-то еще. Когда двери открылись, перед ними предстал совсем другой мир.

Это была не тюрьма и не дворец. Это была лаборатория, переходящая в богатые апартаменты. Просторное помещение с высокими потолками, залитое мягким дневным светом, падающим через огромное окно, выходящее уже

не на город, а на внутренний двор Академии с фонтаном и странными серебристыми деревьями. Вдоль стен стояли столы, заваленные книгами, свитками, кристаллическими шарами и причудливыми приборами. В углу была небольшая, но роскошная кровать с балдахином, у другой стены – гардероб и умывальник с магически текущей водой.

– *Это твои новые покои, – сказал Адамов. – Они находятся в моей личной резиденции на территории Академии. Дверь не заперта, но попытка выйти за пределы этого крыла активизирует охранные чары, которые сведут тебя с ума на три дня. Ванная. Одежда – в гардеробе, подбери что-нибудь подходящее. Ты будешь есть, когда ем я. Ты будешь спать, когда я разрешу. Твое время принадлежит мне.*

Он подошел к столу, взял тонкий серебряный обруч, украшенный рунами.

– *А это – твой контроль. Надевай.*

Анна медленно взяла обруч. Металл был холодным.

– *Что он делает?*

– *Он подавляет любые попытки сознательного применения магии, которая не соответствует санкционированному Империей паттернам. Попросту говоря, ты не сможешь повторить то, что сделала в руинах. Попытка вызовет сильнейшую головную боль, вплоть до потери сознания. Он также позволяет мне знать, где ты находишься.*

Она надела обруч на голову. Он плотно сел, будто сделан по ее мерке. Никаких новых ощущений не последовало.

– *Отдыхай два часа, – приказал Адамов. – Потом мы приступим к работе. Твоя первая задача – прочитать то, что после себя оставили диверсанты.*

Он вышел, закрыв за собой дверь беззвучно, но окончательно.

Анна осталась одна. Она оглядела свою золотую клетку. Роскошную, удобную, смертельную. Она подошла к окну. Внизу, во дворе, прогуливались молодые люди в темно-синих мантиях с разноцветными нашивками – студенты Академии. Они смеялись, о чем-то спорили, жили своей жизнью. Мир, в котором магия была учебной дисциплиной, карьерой, социальным лифтом. Мир, который ее либо убьет, либо сломает и использует.

Она посмотрела на свое отражение в стекле. Бледное лицо, испуганные глаза, серебряный обруч на голове, похожий на корону рабыни.

Инструмент. Прикрепленный испытуемый ассистент. Слова жгли, унижали сильнее, чем наручники.

Она сжала кулаки. Страх медленно отступал, уступая место другому чувству – холодной, ясной ярости. Ее сделали пешкой. В игре, правил которой она не знала, между игроками, которых не понимала.

«Хорошо, – подумала она, глядя на свое искаженное отражение. – Вы хотите, чтобы я читала? Я буду читать. Я буду читать ваш мир, ваши правила, ваши слабые места. И когда-нибудь, я прочту путь отсюда. Или путь к тому, чтобы

сломасть вашу игру.»

Она отвернулась от окна и направилась к гардеробу. Пришло время переодеваться. Надевать маску покорного инструмента. И начинать свою самую важную исследовательскую работу. Исследование тюремщиков.

Глава 4: Первая кровь

Два часа прошли с кошмарной скоростью. Анна не спала. Она сидела на краю кровати, сжимая простыни в кулаках, и пыталась упорядочить хаос в голове. Она мысленно составляла список известного. Мир – Аргард. Империя. Магия – систематизирована, регулируется Кодексом (ИКМП). Она – аномалия. Инструмент. Цель – выжить, понять, найти слабость.

Дверь открылась без стука. Вошел Тимур Адамов. Он был в другом плаще – темно-сером, простого покроя, но от этого он выглядел не менее внушительно. В руках он держал увесистый фолиант в кожаном переплете.

– *Отдохнула?* – спросил он, не ожидая ответа. – *Начинаем. Твоя задача – взаимодействовать с пленным диверсантом. Прочитать следы его магии.*

– *Взаимодействовать?* – голос Анны прозвучал хрипло. – *Как?*

– *Будешь наблюдать. Задавать вопросы. Слушать. Делать то, что ты делаешь, – интерпретировать.* Он положил книгу на стол. – *Для начала – теория. Основы Имперского Кодекса Магических Практик, раздел первый: «Об определении и классификации магического воздействия».*

Он открыл книгу. Текст был написан густым, угловатым

шрифтом. Анна подошла ближе. Ее филологическое чутье мгновенно сработало – она видела не слова, а структуру. Язык законов. Сухой, четкий, перегруженный уточняющими оборотами и отсылками к другим статьям. Читать это было пыткой, но пыткой знакомой. Диссертацию-то она писала.

– *Магия, согласно Кодексу, – это осознанное воздействие на реальность через ментальный импринт и вербально-жестовую формулу, согласованную с одной из санкционированных Имперской Академией энергетических матриц, – начал читать Адамов. – Любое отклонение считается либо ересью (сознательное искажение), либо аномалией (несознательное, как в твоём случае).*

– *Импринт?* – переспросила Анна, цепляясь за знакомое слово.

– *Уникальный ментальный отпечаток, формируемый у каждого ребенка в возрасте семи лет при обязательном тестировании. Он определяет потенциал и склонность к определенным школам магии. У тебя его нет. Ты – чистая доска. Или черная дыра.*

Он перевернул страницу.

– *Диверсанты, предположительно северяне, используют магию, не основанную на импринтах и матрицах. Она интуитивна, привязана к природным явлениям, к эмоциям. Для нас это хаос. Хаос, который мы не можем предсказать и с которым трудно бороться. Ты, со своей способностью видеть в магии «текст», можешь стать переводчиком*

с этого языка хаоса.

Анна молчала, впитывая информацию. Так вот в чем ее «полезность». Она – криптограф для чужого, дикого шифра.

– А что они сделали в Изоляторе? – спросила она.

– *Применили резонансную атаку, – ответил Адамов. – Они не взламывали двери. Они заставили камень стен вибрировать на частоте, вызывающей разрушение. Они не стреляли огненными шарами. Они сфокусировали звук в режущую плоскость. Их магия – это магия сути, а не формы. И именно это делает их опасными.*

Он закрыл книгу.

– Теории достаточно. Практика. Пойдем.

Он снова повел ее по лабиринту коридоров своей резиденции, затем вниз по узкой винтовой лестнице. Воздух становился холоднее, пахнувшим сыростью и... чем-то еще. Цветами? Нет, слишком приторно. Сладковатой гнилью.

В конце лестницы была тяжелая дверь из черного дерева, укрепленная железными полосами. Адамов приложил к ней ладонь, и по полосам пробежали синие искры. Дверь отворилась внутрь.

Комната за ней была круглой и невысокой. Стены, пол и потолок были покрыты сплошным слоем тускло мерцающих рун. В центре на полу, на одиночной соломенной циновке, сидел человек.

Анна замерла на пороге.

Это был не монстр. Это был молодой мужчина, лет два-

дцати пяти. Высокий, худощавый, с длинными, спутанными каштановыми волосами и заросшей щетиной. Его одежда – кожа и мех, грубо сшитые, – была порвана и запачкана. На руках и ногах – массивные кандалы, от которых тянулись тонкие сияющие нити к стенам, образуя вокруг него мерцающую паутину. Но не это привлекло внимание Анны. Его лицо. Оно было не злым. Оно было... пустым. Глаза, цвета мутного янтаря, смотрели в стену, не видя ее. Из его полуоткрытого рта вырывался тихий, непрерывный звук. Не речь. Не пение. Монотонный, низкий гул, похожий на отдаленный шум водопада или на ветер в глубокой пещере.

– *Он в состоянии постоянного транса, – тихо сказал Адамов. – Его сознание отключено от тела. Он – проводник. Канал. Через этот звук он, вероятно, поддерживает связь с сородичами или питает какую-то долгосрочную магию. Все попытки прервать звук силой приводили лишь к конвульсиям и кровотечению из ушей. Мы не можем его допросить. Мы не можем его «выключить».*

Анна медленно сделала шаг внутрь. Звук стал громче. Он вибрировал не в ушах, а где-то глубже – в костях, в зубах. Он был неприятным, но не невыносимым. Скорее... гипнотическим.

– *Что я должна сделать?* – спросила она, не отрывая взгляда от пленного.

– *Сделать то, что сделала в руинах. Прочитать. Понять, что это за «текст». Какую «историю» он рассказы-*

вает своим гулом.

Анна подошла ближе, стараясь не пересекать светящиеся нити. Она села на корточки на почтительном расстоянии, стараясь поймать его взгляд. Он был пуст. Она закрыла глаза, пытаясь отсечь визуальный ряд и сконцентрироваться только на звуке.

Гул. Ровный, монотонный. Но... не совсем. Если прислушаться очень внимательно, в нем были едва уловимые модуляции. Микроскопические повышения и понижения тона. Паузы, короче вдоха. Это была не просто нота. Это была *фраза*. Бесконечно повторяющаяся, заикленная фраза.

Она попыталась представить его не как звук, а как ряд символов. Длинная горизонтальная линия с крошечными зазубринами. Что это могло значить? «Постоянство». «Бесконечность». «Цикл».

– Он повторяет одно и то же, – сказала она вслух, не отрывая глаз. *– Это не бессмысленный шум. Это мантра. Или... призыв.*

– Призыв к чему? – спросил Адамов, и в его голосе впервые прозвучало что-то, кроме холодного интереса. Нетерпение.

– Не знаю. Но это о чем-то, что длится. Что продолжается, несмотря ни на что.

Она открыла глаза. Теперь она смотрела не на лицо пленного, а на его кандалы, на нити, на руны на стенах. Система подавления. Она удерживала его тело, но не могла остано-

вить звук. Почему? Потому что звук был не магией в аргардийском понимании. Он был... чем-то иным.

И тут она вспомнила. Фрески в руинах. Они откликнулись не на заклинание, а на ее *понимание*, на вложенную в символы эмоцию. Может, и здесь нужно не анализировать, а... откликнуться?

Это было безумием. Но выбора у нее не было. Провал означал «утилизацию».

– *Я попробую ответить*, – сказала она, и голос ее дрогнул.

– *Ответить? Как?*

– *Так же. Звуком. Но не его звуком. Своим.*

Адамов молчал секунду, оценивая риск.

– *Попробуй. Но помни про обруч.*

Анна кивнула. Она снова закрыла глаза, отгородившись от давящей атмосферы камеры, от присутствия Адамова. Она искала в памяти не логику, а ощущение. Что она чувствовала, когда услышала этот гул впервые? Не страх. Не отвращение. Тоску. Бесконечную, глухую тоску по чему-то утраченному.

И у нее в памяти всплыло... не слово, не мелодия. Обрывок старинной казачьей песни, которую пел когда-то давно ее дед. Песни о степи, о ветре, о далеком доме. В ней не было слов, только протяжный, печальный напев на один-единственный слог «ай». Тоска по дому. Тоска по свободе.

Анна сделала глубокий вдох и начала напевать. Тихо,

неуверенно, ту самую бессловесную мелодию. Ее голос, дрожащий от страха, плохо держал ноту, но она вкладывала в этот звук все, что чувствовала сама: потерянность, ностальгию, желание вернуться.

Ее напев столкнулся с гулом пленного.

И произошло неожиданное.

Гул... дрогнул. В его монотонной ткани возник сбой. Ровная линия звука изогнулась, попыталась подстроиться под ее мелодию, но не смогла и на мгновение смолкла.

Пленный *пошевелился*. Его пустые глаза медленно, с нечеловеческим усилием повернулись к ней. Взгляд был уже не пустым. В нем была мучительная попытка понять. Сосредоточиться.

Анна испугалась, но не остановилась. Она пела громче, увереннее, вкладывая в звук не только тоску, но и вопрос. Призыв к диалогу.

И пленный *ответил*. Его гул изменился. Из монотонного он стал волнообразным, подражая ритму ее напева. Это было жутко и прекрасно одновременно – два звука, две тоски, нашедшие друг друга в этом каменном мешке.

Но затем в комнате что-то щелкнуло. Анна почувствовала острую, режущую боль в висках. Серебряный обруч на ее голове *загорелся* холодным огнем. Он подавлял не магию – он подавлял саму *интенцию*, попытку магического воздействия, пусть даже такого примитивного, как эмоциональный резонанс.

Боль была невыносимой. Ее песня оборвалась на полуслове с хриплым всхлипом. Она схватилась за голову, сжимая виски, чувствуя, как ее сознание затягивает черная пелена.

Пленный диверсант взревел. Его ответный гул, лишившись гармонии, превратился в хаотичный, дикий вопль ярости и боли. Он рванулся с места, светящиеся нити кандалов натянулись, затрещали, но выдержали. Руны на стенах вспыхнули ослепительно ярко, и в воздухе запахло озоном. Тело диверсанта дернулось в конвульсиях, изо рта и носа хлынула кровь, но его крик не прекращался – теперь это был звук чистой, животной агонии.

Адамов действовал молниеносно. Он шагнул вперед, его трость описала в воздухе сложный знак. Из кристалла на ее набалдашнике вырвался сноп ослепительно-белого света и ударил в пленного. Тот затих, обмяк, безжизненно повис на светящихся нитях. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием Анны и тихим шипением догорающих рун.

Анна сидела на полу, обхватив голову руками. Боль отступала, оставляя после себя пульсирующую пустоту и тошноту. Перед глазами плясали черные пятна.

Адамов подошел к ней. Он смотрел на повисшее тело диверсанта, затем на Анну. В его глазах не было ни гнева, ни разочарования. Был расчет.

– Интересно. Обруч среагировал на попытку установить связь, а не на применение силы. Значит, твой метод –

это не заклинание, а форма коммуникации. Магия как язык в прямом смысле.

Он протянул руку, чтобы помочь ей встать. Анна, все еще дрожа, проигнорировала ее и поднялась сама, опираясь на стену.

– Он... он понял, – прошептала она. – Он откликнулся.

– И чуть не убил себя и, возможно, нас, когда связь прервалась. Твоя «коммуникация» неустойчива. Опасна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.